

Ирина СУББОТИНА,
Ждана СУББОТИНА

КОНЦЕПТ «ЗВЕЗДА» В ПОЭЗИИ СТЕПАНА КУРОГЛО

«Не устану воспевать вас, звезды!»

И. Бунин

Rezumat

Conceptul „steaua” în poeziile lui Stepan Curoglo

În articol, în baza materialelor culegerii de poezii a lui S. Curoglo „Кауш авалары” (1977), „Ўўсек кушлар” (1982), «Родословное древо» (1988), «Yol yildizi» (2000), „Canimi baaşlarım” (2011), este prezentată o analiză a conceptului „steaua”, imaginea sa și particularitățile simbolice.

Cuvinte-cheie: concept, steaua, poezia, S. Curoglo, lingvo-culturologie, folclor, gâgăuzi.

Резюме

Концепт «звезда» в поэзии Степана Курогло

В статье на материалах поэтических сборников С. Курогло «Кауш авалары» (1977), «Ўўсек кушлар» (1982), «Родословное древо» (1988), «Yol yildizi» (2000), «Canimi baaşlarım» (2011) дан анализ концепта «звезда», его образных и символических признаков.

Ключевые слова: концепт, звезда, поэзия, С. Курогло, лингвокультуроология, гагаузы, фольклор.

Summary

Of the concept „Star” at the poetry collections of Stepan Curoglo

Based on material from the following poetry collections: „Strings melodies” (1977), „Birds in the sky” (1982), „Family tree” (1988), „Yol yildizi” (2000), „Canimi baaşlarım” (2011), the present article analyzes the „star” concept, its descriptive and symbolic characteristics.

Key words: concept, star, poetry, S. Curoglo, lingvo-culturology, Gagauz, folklore.

В отечественной науке термин *концепт* стал активно употребляться лишь с начала 90-х гг. XX в., хотя появление этого термина в русской лингвистической школе связывают с именем С. А. Аскольдова-Алексеева, который разработывал теорию концепта еще в 1920-х гг. Анализируя природу концепта, Аскольдов-Алексеев противопоставлял два вида концептов: познавательные и художественные [3, с. 68], что впоследствии привело к развитию двух основных направлений в изучении концепта – когнитивного и лингвокультурологического.

Следуя лингвокультурологическому понима-

нию термина *концепт*, мы считаем концепт основной единицей ментальности данной культуры, «которая в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [18, с. 81]. Концепт рассматривается одновременно как феномен языковой и культурный, он мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот „пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает „слово”» [28, с. 40].

Концепт – явление разноуровневое, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам, именно поэтому концепты выявляют взаимодействие всех основных факторов культуры: этнического, исторического, психологического и прочих [26, с. 7]. «Концепт – это представление о фрагменте мира... Такое представление (образ, понятие, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [25, с. 142].

«Каждый народ видит мир особым образом» [10], в каждой национальной литературе имеется целая система свойственных ей устойчивых понятий, образов, символов, ассоциаций, метафор, и каждый большой национальный поэт, как носитель определенной этничности, используя присущий ему арсенал этнических образов и символов, воссоздает этническую картину мира, этнический образ мира, характерный для его народа.

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть лишь небольшой фрагмент многомерного, мозаичного образа мира гагаузов, концепт «звезда», который нашел свое отражение в поэзии известного гагаузского поэта Степана Курогло. В работе делается попытка анализа вторичных, метафорических признаков концепта, к которым относятся образные и символические признаки.

О том, насколько значим был для С. Курогло, яркого носителя гагаузской культуры, образ звезды, свидетельствует частотность вынесения лексем, репрезентирующих концепт «звезда», в наименования поэтических сборников и циклов стихов, ибо их названия являются сильной позицией авторского текста, важным знаком его композиционно-тематической модели. Так, один из сборников стихов поэта, выпущенный в 2000 г., называется «Звезда

дорог»¹ («Yol yıldızı», 2000), а один из разделов в поэтической книге «Кауш авалары» (1977)² – «Голос Синей Звезды» («Маави йылдызын сеис»). Название этого раздела первоначально задумывалось автором иначе – «Пламя розы» (так называется одно из стихотворений, входящих в него). Когда книга стихов вышла в свет, «Пламя розы» превратилось в «Голос синей звезды». «Название каждого стиха в отдельности и в целом („Голос синей звезды”) – крик печали души больной, восхищенной богатством природы Земли рябин и ее обитателей», – написал С. Курогло одному из друзей в посвящении к этой книге. «Если по-русски это звучит как „пламя розы”, все равно не сменю, ибо каждое из трех слов полно отдельного смысла, двойного и более смыслов, и вместе – в том же духе», – писал С. Курогло в одном из своих писем.

И последней книге своих избранных литературных произведений, которая вышла уже посмертно под названием «Sanimi başlarım» (2011), Степан Курогло хотел изначально дать иное название – «Под звездным небом Буджака». Он говорил: «В этом названии все: и родная земля, и красота, и... одиночество».

Звездами полны не только названия книг, ци-

*На трудном перевале
За далью лет, в былом
мы Млечный путь назвали
Соломенным Путем.
Саман-Йолу – на месте!
А над тропой судьбы
знакомое созвездье
Большой Арбы...*

С. Курогло, со свойственной ему поэтической тонкостью и чуткостью, находит образные сравнения реального небесного объекта звезда в окружающем поэта мире – в птицах, прибрежных цветах, падающем снеге, солнечных бликах, углях костра, разноцветных камнях, горящих свечах, виноградных гроздьях и пр. Так, довольно часто в поэзии Степана Курогло встречается сравнение звезд со снегом и цветами. Например, в стихотворениях «Снег идет» («Снег идет / словно падают звезды...») и «Паруса молодости» («Гляжу на берега реки – / расцветают звездами астры...»; «Чуткая звезда, в небе расцветшая...»). Или же в «Ожерельях зимы»: «Снега искрятся, словно... Звезды упали на землю...»³. Эти сравнения звезд, снега и цветов невольно приводят нас к поэзии таких «звездных» русских поэтов, как К. Бальмонт и Б. Пастернак. В поэзии К. Бальмонта наблюдается двоякость образа снега, снежинки: в небе они – звезды («Миг за мигом в Небе вьются звездovidные снежинки»), а на земле – цветы

клов стихов, но и названия отдельных стихотворений: «İnsan yıldızı» («Звезды людские»), «Yıldız» («Звезда»), «Saman yollu yıldızlara» («К звездам Млечного пути»), «Yıldızlı kaar» («Звездный снегопад»), «Gökta yıldız salkım-salkım» («В небе звезды гроздьями...»), «Çoban yıldızı» («Звезда Чобана»), «Yıldızlı gecelâr» («Звездные ночи») и др. Репрезентантов концепта «звезда» в стихах С. Курогло сравнительно немного, ими являются: а) существительные *yıldız* (звезда), *yıldızçık* (звездочка), *yıldızlar* (звезды); б) прилагательное *yıldızlı* (звездный). Но эти немногочисленные лексемы автор использует столь образно и метафорично, что становится совершенно очевидно – в поэтическом творчестве Степана Курогло образ звезды занимает важное место, неся особую смысловую и художественную нагрузку.

В семантико-тематическом плане небесный объект звезда в стихотворных текстах С. Курогло представлен с достоверностью принятых у гагаузов названий небесных светил, основанных на легендах и преданиях народа [7, с. 363]: это и Керван-кыран йылдызы (Полярная звезда), и Саман Йолу (Млечный путь), и Бююк Араба (Большая Медведица), и Кючюк Араба (Малая Медведица), и Сабаа Йылдызы (Утренняя звезда, Венера), и др.:

*Кючюк Арба трясется,
дрожит Керван-Кыран,
как рябь на дне колодца,
как голубой туман...
...По дороге, покрытой соломой,
за державной Звездой Чабана
предок мой удалялся от дома,
где росла и цвела тишина...
(Степная баллада, пер. Б. Примерова)*

(«Но снежинки сон лелеют, то – цветочные пушинки»). Или у Пастернака: «К белым звездочкам в бурне / Тянутся цветы герани за оконный переплет» [22, с. 219]. Таким образом, звезды – снежинки – цветы свидетельствуют о наличии в стихах оппозиции небесное – земное, являющейся одной из основных в приведенных поэтических строках, о присутствии возвышенного, небесного – в земном.

Зимняя символика у романтика С. Курогло – чистая «звездная» поэтика. Искрящийся снег; падающие, словно звезды, снежинки; звездный снегопад; солнечный зайчик как упавшая звезда; волшебная белая береза в заснеженном лесу с горячей над ее макушкой звездой, словно любимая «звездная» женщина, – все это выражает творческий подъем, вдохновение, внутренний жар, пробуждение Света и Любви, ощущение звездного счастья поэта. Мир зимы у Степана Курогло не холодный, оцепенелый, а волшебный, чарующий, колдовской. Не случайно появление в «зимних» стихах образа Феи... и Звезды.

Аач каарлы – чыпак бир кыз/
 Дерево заснеженное – словно обнаженная девушка,
 Кыш – онун ресимжиси./
 Зима – ее художница.
 Башлында шылээр йылдыз,
 Над головой ее горит звезда,
 Бойунда – лифт дизиси./
 На шее – мониста рядами.
 (Кысмет фериси) (Фея счастья)

Здесь хотелось бы согласиться с М. Н. Губогло, известным историком, этнологом, исследователем творчества С. Курогло, писавшим, что «в своей любви к зиме С. С. Курогло признается задумчиво гораздо чаще, <...> чем к другим временам года» [12, с. 517]. Сам Степан Курогло в одном из писем к друзьям писал: «Кочуем табором экспедиционным по Буджаку. Многообразно. Мне лично по зимам своим тоскуется...».

Этнокультурный фон, присутствующий в творчестве любого писателя, представляющего свою культурно-языковую общность, как правило, тесно связан с географическим положением, природой, ландшафтами той территории, на которой живет этнос. Глубокие снега, заснеженные деревья, березы – это специфические географические маркеры не Буджака, а средней полосы России; это явления, особенно часто встречающиеся и имеющие особую актуальность для северян, а не для южан. И приверженность С. Курогло, жителя Молдовы, южных степных пространств, зимним пейзажам, мотивам, непривычная образная составляющая семантики стихов гагаузского поэта объясняется ее окрашенностью индивидуально-авторской коннотацией: это скорее факт биографии поэта, страницы личной жизни, его душевное пространство, индивидуальные переживания, определившие сюжеты, мотивы, поэтические образы «зимнего» творческого процесса. Может быть, именно острое восприятие незнакомой, непривычной природной среды России, где поэт проводил свои творческие отпуска, куда ездил в служебные командировки, будоражило его душу и заставляло с особым, трепетным чувством воспринимать новый, во многом чужой и загадочный мир, его людей и природу. Как нам кажется, именно об этом, о своем первом, еще детском восприятии неведомой России, ее лесов, белых берез, удивительно поэтично написал в своих воспоминаниях «Сполохи прошлого» М. Н. Губогло, мальчиком депортированный вместе с родителями из Молдавии в Россию, в Каргаполье: «На меня обрушилась благословенная новизна прохладного леса, золотые круги вечерней талицы, мерцающие волны неторопливого тумана... И сладкая боль сонных берез неведомого края бесшумно поплыла мне в душу...» [11, с. 445].

Но любовь Степана Курогло к России, к ее зи-

мам, к Подмосковию, которому поэт посвятил немало прекрасных стихотворных строк, не идет ни в какое сравнение с его пронзительной любовью к родной земле. Он был истинным сыном своей малой Родины – Буджака – и не уставал воспевать его вековую историю, людей, красоту этого степного, полынного края, любясь звездами высокого, синего неба-шатра:

...Беним, Бужаам, бозкырларын / Мой Буджак степной,
 йылдызларын, данын, гүнүн... / звездный, рассветный,
 солнечный...
 (Ўзер тепелерин чакыр...) / (Плывут холмы в голубизне)

Ah, Vusaat, ana tarafım, / Ах, Буджак, край мой родной,
 yok sendän taa gözäl erlär, / нет поныне земли прекрасней,
 чем ты,
 yıldızlı gecelär korafı / звездными ночами украшенный,
 masala mi, gerçää mi benzäär! / на сказку, на быть ли похожий!
 (Yıldızlı gecelär) / (Звездные ночи)

В стихотворных строках С. Курогло Буджак – не только седой и полынный, но украшенный и кружевом цветущих садов, и пламенем полыхающих виноградников. Удивительно поэтичны у С. Курогло сравнения спелых, прозрачных, переливающихся на солнце виноградных гроздей с сияющими в небе звездами:

Göktä йылдыз салкым-салкым... / В небе звезды гроздьями-гроздьями...
 <...>
 бин йылдыз салкымнары – / тысячи звезд гроздьями – чотукларын да баайын. / на виноградных кустах висят».
 (Гечинмәз Сабир дурэр...) / (Возвышается неумерший Сабир)

В стихах Степана Курогло, посвященных Буджаку, раскрывается единство души поэта и родины, нерасторжимость их связи. Оно достигается слиянием звездного света, которым озарена родная земля, и звездного света, живущего в душе поэта. «У меня душа больна Родиной», – мог бы сказать Степан Курогло словами Бориса Примерова, поэта-переводчика его стихов на русский язык, трагически ушедшего из жизни, непревзойденного русского лирика, продолжателя есенинских традиций любви к родной земле, родной природе, отразившихся в названиях его стихотворных сборников – «Синевой разбуженное слово», «Некошенный дождь» и др. Может быть, именно «есенинское звучание» переводов Бориса Примерова способствовало тому, что М. Н. Губогло назвал С. Курогло «гагаузским Есениным».

В рамках данной работы мы выявили в стихах поэта довольно значительную группу признаков звезды как живого существа. В литературе звезды часто описываются образными витальными признаками: жизнь или смерть, движение или его отсутствие, способность спать и просыпаться, возможность говорить и молчать, дрожать и замерзать и пр.: «*Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит*» (М. Лермонтов); «*Спит юродивый на паперти На него глядит звезда*» (А. Ахматова). И в поэтических произведениях С. Курогло звезды наделяются подобными признаками: «...звезды замерзли», «...звезды смотрят...».

Выдающийся русский историк, литературовед, собиратель фольклора А. Н. Афанасьев в своем знаменитом труде «Поэтические воззрения славян на природу» писал: «...Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом порождали одно общее понятие о быстроте...» [4, с. 164], а потому звезда в воображении людей представлялась птицей, была крылата. В литературе, и особенно в поэзии, звезды нередко наделяются орнитологическими признаками, сравниваются с птицами: «*Малиновкой журчащею/ Слетит в кусты звезда*» (С. Есенин); «...*Падая, звезды/ Ломали крылья*» (С. Курогло); «*Видишь, жар-птицей вспорхнула над степью/ Утренней зорьки звезда голубая...*» (С. Курогло, пер. Н. Кондаковой).

Степан Курогло был ученым, этнографом, посвятившим свою жизнь собиранию и изучению гагаузского фольклора, обычаев и обрядов гагаузов, поэтому совершенно не случайно в его поэзии присутствие неких этнографических мотивов, зарисовок, отмеченных Д. Е. Никогло [24] и Л. С. Баурчулу [6, с. 208], образных сравнений звезд с огнем, со свечами:

*След кочевий,
гортанные речи,
и над всем этим –
звезды – в ряд! –
будто бы поминальные свечи
над могилами предков горят.*
(Степная баллада, пер. Б. Примерова)

*Снега на вершине холма –
Словно – мягкая мука.
Деревья и светящиеся звезды
Как будто поминальные свечи...⁴*
(Ожерелья зимы)

В разных мифологических традициях бытовали различные представления о происхождении и устройстве Вселенной в ее взаимодействии с миром человека, и основополагающими, базовыми в традиционной картине мира были космогонические концепты – небо, солнце, луна, звезды. «Рядом с представлением, что звезда сияет на небе, пока

продолжается жизнь человека, и угасает вместе с его смертью, – было и другое, по которому душа в виде пламенной звезды нисходила из райских стран в ребенка в самую минуту его зачатия или рождения, а когда человека постигала смерть – покидала его тело, уносила в свое прежнее отечество и начинала блистать на небесном своде...» [5, с. 208].

Известный русский исследователь жизни и быта гагаузов В. А. Мошков писал о гагаузах: «Космографические и географические сведения у гагаузов, как и у большинства современных нецивилизованных народов, представляются в виде смеси из осколков древних мифов, мифов позднейших и, наконец, обрывков современных сведений, почерпнутых из школ. Эти сведения очень часто противоречат друг другу и одно другое исключают, но это не мешает им уживаться рядом не только в головах многих людей, но зачастую даже в одной... Звезды Бог сотворил для красоты. Их на небе столько же, сколько людей на свете. Каждый человек имеет свою звезду, величина которой соответствует высоте его общественного положения. Так, например: царские звезды – самые большие, немного поменьше – звезды бояр и богачей, а самые мелкие и темные – это звезды бедняков. Когда человек умирает, то звезда его падает, а потому по величине упавшей звезды можно судить о том, какой человек умер, богатый и знатный или простой и бедный» [23, с. 254, 257].

Известный исследователь гагаузского фольклора В. Сырф, ссылаясь на работы крупного русского тюрколога, исследователя гагаузского языка Л. А. Покровской, отмечал: «Космогонические предания, которые, как известно, отражают древнейшие народные представления о происхождении земли, неба, небесных светил, о смене времен года и т. д., сохранились в гагаузском фольклоре лишь в реликтовой, опосредованной форме. Среди гагаузских космогонических преданий имеются предания о происхождении звезд и созвездий, мироздания. В попытках объяснить явления природы люди прибегали к вымыслу, фантастике. В гагаузском фольклоре космогонические предания, в свое время подвергшиеся значительному влиянию ортодоксальной религии, сохранились лишь в памяти старшего поколения» [29, с. 483].

В образе звезды в поэзии С. Курогло в наибольшей мере представлена мифологическая составляющая традиционной этнической картины мира гагаузов. В одном из известных стихотворений поэта «Звезды» эти традиционные мифологические представления о звездах нашли свое поэтическое выражение:

*Легенды озаряют мглу столетий,
И понял я в далекие года,
Что каждому живущему на свете
Дарована судьбы его звезда.*

Едва раздастся крик из колыбели,
Она уже блистает в небесах,
Ведет дитя к еще незримой цели...
Пока она пылает в черной бездне,
И радостен, и счастлив человек.
Но стоит ей погаснуть – он исчезнет,
Хоть, может быть, его и длится век...

(Пер. Н. Бродского)

В названном стихотворении концепт «звезда» предстает в своих содержательных формах и как образ, и как многозначный символ, ибо звезда здесь – и мечта, и слава, и творчество, и любовь:

Мечтателям земли сияют звезды
На башнях благородного Кремля.
Оглан к Ярим влеком звездю грозной.
Моя звезда – поэзия моя.

(Пер. Н. Бродского)

В другом стихотворении, «Звезда Чобана», написанном в день смерти большого гагаузского поэта Дмитрия Кара Чобана, С. Курогло вновь обращается к мифологическим представлениям о звездах, которые загораются на небе, когда душа человека покидает наш бренный мир. «По словам Аристотеля, душа усопшего превращается в звезду, и чем во время земной жизни она бывает пламеннее, возвышеннее, доступнее для духовной деятельности, тем блистательнее она горит по смерти человека» [5, с. 208]. И Степан Курогло, понимавший значимость личности Кара Чобана, его поэтического дарования, связывает уход из жизни блистательного гагаузского поэта с рождением в небе новой звезды: «...В небесах родилась Звезда Чобана».

В мире поэтических образов С. Курогло особое место занимает образ дороги. Дорога, путь, творческий поиск олицетворяют в его поэзии основной смысл жизни лирического героя. И мотиву-образу дороги в творческих исканиях поэта всегда сопутствует образ Путеводной звезды («Yol yıldizi») как человека, направляющего, определяющего судьбу поэта, и как поэзии, наполняющей жизнь лирического «Я» смыслом. Звезда у Степана Курогло не только путеводная, ведущая путника по верному пути, но и указующая. Звезда – знак, символ Провидения, Судьбы, некоего божественного явления: в определенный момент жизни, когда душа поэта объята печалью одиночества, появляется Она, возвращая ему желание жить и творить:

Взглядом меня подхватила, который
И до сих пор освещает мне сны...

(Звезда, пер. Б. Примерова)

В его стихотворении «Йылдыз» (Звезда), переходящем из одного поэтического сборника в другой, есть такие слова:

Гөрдүм, башы үстүндә / Я увидел над ее головой
Бир шафклы йылдыз йанарды. / Одной горящей
звезды свет.

Появившаяся в небе, над головой женщины звезда словно подает знак, предсказывает поэту появление Избранницы. Подобные смысловые прочтения образа звезды, встречающиеся и в творчестве других писателей, относятся еще к древнему тексту Ветхого Завета. Согласно Евангелию от Матфея, волхвы видели «звезду» два раза: в первый раз на востоке (точнее – на восходе), а во второй после того как она «остановилась» над домом, в котором находились «Младенец с Марией». И здесь появление звезды указало волхвам на рождение Избранного:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф. 2: 1–2).

«Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему...» (Мф. 2: 9–11).

Библейские мотивы, тема Вифлеемской звезды как символа, знака звучат и в поэзии С. Курогло, и в песенном гагаузском фольклоре, который поэт хорошо знал, особенно в религиозных песнях гагаузов, например, «Hristos duudu» (Христос родился) [16, с. 695, 880]:

...Aşan Hristos duuhdu / ... Когда Христос родился
Büük yıldiz ta göründü. / Большая звезда показалась.
...Şu gün duusundan, / ... На рассвете
Büük yıldiz duudu. / Большая звезда родилась.
Biläsiniz, aniki / Знайте, что
İsus dünneyä geldi. / Христос на свете появился.

В гагаузских песнях с сюжетом о рождении Христа отмечается, «что за звездой, ведущей в Вифлеем, пошли так называемые filosoflar, чтобы поклониться Христу. Слово filosoflar использовано, по-видимому, в значении «мудрецы». Интересно отметить, что в Библии на гагаузском языке этот образ передан понятием yıldiz bilgiçleri (досл. «знающие звезды»/ «знатоки звезд») [17, с. 191].

Связь Избранницы и образа, символа звезды еще не раз возникает в стихах С. Курогло. Так, он называет любимую «девушкой, родившейся со звездной отметиной», рассказывает, как, «собрав остатки звезд, подарил их любимой в ожерелье», вспоминает тот час, когда любимая перед ним «восходила, как звезда...»:

*В тот час, когда передо мной
Ты восходила, как звезда,
Мне вдруг открылся мир земной,
Травы зеленой доброты,
И неба синего печаль,
И боль земли, и бег земли,
И бесконечной жизни даль,
И счастье, ждущее вдали.*

(В тот час, когда передо мной...
пер. А. Бродского)

В этих поэтических авторских образах прослеживается связь с образами, встречающимися в гагаузских песнях – *тюркю*, где символами молодой девушки, наряду с птицей, розой, фиалкой, является и звезда [2, с. 48]. Сравнение любимых со звездами свойственно не только восточной поэзии, музыку которой мы слышим в стихах С. Курогло [31, с. 726], но и многим национальным поэтическим картинам мира, в том числе русской, с ее символом единственной таинственной Звезды:

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
(И. Анненский, Среди миров...)*

Для поэта Степана Курогло звезда, к которой обращена его душа, – это символ любви, это образ любимой женщины. Его любовная лирика – «поэзия разлуки». Вспомним его «Старинные клятвы». Это клятва сына, воина, пахаря, писателя и... клятва разлученного. Не любящего, не влюбленного, а разлученного. Красота страдания, горькая красота разлуки, разделенности наполняет поэзию С. Курогло до краев, почти не оставляя места красоте счастья, и образы звезд чаще всего углубляют выражение настроений тоски и печали, передают душевное состояние влюбленного и разлученного с любимой человека, состояние одиночества и невозможности счастья. Мелодика грусти, душевной печали поэта сродни мелодиям гагаузских народных песен. Как отмечают исследователи песенного фольклора, «у гагаузов больше печальных и довольно мало жизнеутверждающих песен» [17, с. 346]. «Зачастую мелодии подобных песен носят некоторые характерные восточные черты» [Там же].

Собранные в единый цикл («Голос синей звезды») стихи зрелого поэта о любимой женщине строятся на мотиве уникальности и единственности избранницы, они дают представление о ее «нездешней», «звездной» природе. Возлюбленная предстает как «Синяя звезда». Именно благодаря синему цвету звезды Степан Курогло сумел выразить неведомые выси, неизвестность, мечту, непознанное счастье, возвышенность, печаль недостижимости (Тресиддер Дж. Словарь символов). Вспомним С. Есенина: «Синий свет, свет такой синий! // В эту синь даже умереть не жаль». Образ Синей звезды С. Курогло

невольно ассоциируется в нашей памяти с аналогичным образом Николая Гумилева: «*И умер я. И видел пламя, Не виданное никогда: Пред ослепленными глазами Светилась синяя звезда*».

Синий цвет звезды тесно связан с концептом «душа»: «*Это только звезды над пустынным садом, / Только синий свет твоей души*» (Г. Иванов). Звезда издавна символизировала душу. Отождествление души со звездой имеет долгую традицию, основанную на древних мифологических представлениях. Об этом писал А. Н. Афанасьев: «*Душа представлялась звездой, что имеет близкую связь с представлением ее огнем; ибо звезды первобытный человек считал искрами огня, блистающими в высотах неба*» [5, с. 206]. И Синяя звезда С. Курогло – это душа любимой женщины, несущая Свет.

«...Существует поверье, в котором нельзя не признать отголоска глубокой древности, что каждое светило имеет своего ангела; один ангел носит по небу солнце, другие луну и звезды; вечером всякий ангел зажигает свою звезду, как лампаду, а перед рассветом тушит ее» [4, с. 177]. Не раз в стихах Степана Курогло повторяется обращение к любимой как ангелу-хранителю, как защитнице, спасительнице. Сравнивая женщину с ангелом, он проводит поэтические параллели между звездами, глазами ангелов и глазами любимой: «*Звезды – как глаза любимых...*» («Ожерелья зимы»).

«Из <...> сродства понятий света и зрения, во-первых, возникло мифическое представление светил небесных – очами, а во-вторых, родилось верование в чудесное происхождение и таинственную силу глаз...» [4, с. 153]. Внимание к глазам – черта, роднящая С. Курогло с еще одним «звездным» русским поэтом – Афанасием Фетом. Мало внимания уделяя портретным характеристикам, поэт часто описывает глаза женщины как выражение ее души, ее «тихую музыку», создавая образ Женщины-мечты, звездный свет души которой – Грусть, Печаль, чувства, созвучные музыке души самого поэта:

*Еркен пек краалар дүймүш / Слишком рано выпал
иней гөзлерин чайырларна... / на долины глаз твоих...
(Еркен пек...) / (Слишком рано...)*

И вновь и вновь, от стихотворения к стихотворению звучат у поэта слова благодарности Женщине за подаренное счастье, за желание снова жить:

*Пришла, защитница и фея
травы и птицы, и зверья.
И в свете глаз твоих теплее
мне показалась жизнь моя...*

(Когда рябина багровела, пер. Н. Кондаковой)

*Как и прежде, я женщину славлю
ибо, травам волшебным под стать,
в дни печали, и боли, и травли
приходила она исцелять.*

Как смеялась она, как сияла,
 сколько в ней сохранилось тепла!
 И зимою от стужи спасала,
 в зной – водой родниковой была...
 (Дороги, пер. Н. Кондаковой)

В образе Синей звезды Степана Курогло, образе женщины-защитницы, заступницы проявляется сакральная символика синего цвета, отсылающая нас к возвышенному, к образу Царицы Небесной, так чтимой православными гагаузами, названия храмов которых в большинстве своем несут образ и имя Богородицы [16, с. 85], Спасительницы в синих, небесных одеждах и короне из золотых звезд: «В венце из звезд, нетленная богиня, С задумчивой улыбкой на челе» (А. Фет).

Но Синяя звезда Степана Курогло – это не только символ Любви, любимой женщины, это символ прошлого, вечности: «От синих звезд, которым дела нет/ До глаз, на них глядящих с упованием,/ От вечных звезд – ложится синий свет/ Над сумрачным земным существованием» (Г. Иванов). За этим знаковым образом звезды ощущаются и голоса далеких предков, Гёк-огузов, Небесных тюрков, души которых звездами сияли с высокого Неба Тенгри⁵, напоминающая поэту о прародине, о генетическом единстве с тюркским миром, о дальних путях миграций. Голос Синей звезды – это образ-воспоминание о прадеде – «жителя солнечных Балкан», об ушедшей в «звездный мир» матери, это символ памяти, осознания духовной связи с предками.

Подводя итоги нашего далеко не полного анализа, можно утверждать, что содержание концепта «звезда», репрезентируемого в поэзии С. Курогло, формировалось как на основе индивидуально-авторского представления о звездах, вобравшего в себя личный жизненный опыт и творческое осмысление, переработку элементов традиционной гагаузской культуры, этнических аспектов модели мира гагаузов, их национальной символики, так и на основе русской культуры, русского образа мира, а также универсальных общекультурных знаний, определяемых наличием в творчестве поэта мифологических (языческих) и христианских мотивов.

Выделенный в поэзии С. Курогло образ звезды является сквозным, повторяющимся, переходящим из стихотворения в стихотворение, из сборника в сборник. Звезда в поэзии С. Курогло – многозначный символ: символ света, любви, надежды, верной дороги, символ судьбы, родины, памяти и творчества. Этот образ является авторским кодом поэта, содержащим в себе его мировоззренческие и эстетические принципы, идеи и взгляды, систему его жизненных ценностей.

* * *

Счастливого человека, которому покровительствует судьба, тюрки называли «человеком со

звездой» [8, с. 89]. Совершенно очевидно, что Звезда сопровождала Степану Курогло всю его жизнь, определяя его «звездную» Судьбу, ведь душа поэта от рождения отмечена особой печатью и живет по своим законам, находясь в постоянном поиске чего-то неизвестного другим. Из крестьянского мальчика «со звездой в руке» он вырос в крупного гагаузского ученого, поэта, всю жизнь не устававшего ходить по степным дорогам, глядеть на звездное небо над Буджаком и воспевать в своем творчестве «звездную» любовь к Женщине, к родной земле, к своему народу.

Примечания

¹ Так перевел на русский язык название этого сборника сам С. Курогло в дарственной надписи авторам статьи, хотя в литературе встречается и иной перевод названия книги – «Путеводная звезда».

² «Напевы кеманчи», как хотел сам Степан Степанович прочесть в переводе на русский язык название своей книги; «Напевы струн», как этнически бесцветно был назван сборник издателями.

³ В тех случаях, когда не указана фамилия переводчика, подстрочные переводы на русский язык стихотворных строк С. Курогло выполнены авторами статьи.

⁴ Согласно народным обычаям, на похоронах принято втыкать зажженные свечи в сосуд с мукой.

⁵ По данным, собранным В. В. Радловым в его «Опыте словаря тюркских наречий», Тенгри «являлся верховным божеством у всех тюркских народов, которые обитали в домонгольское время на обширной территории Средней Азии, Алтая и Монголии». У большинства современных тюркских и монгольских народов термин *тенгри* означает 'небо' и 'бог'.

Литература

1. Анненский И. Ф. Стихотворения и переводы. М., 1981.
2. Арнаут Т. Мотивы любви и смерти в гагаузских лирических песнях (к постановке проблемы). В: Revista de etnologie și culturologie. Vol. IX–X. Chișinău, 2011.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово. В: Русская словесность. Антология. М., 1997.
4. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1994.
5. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1994.
6. Баурчулу Л. К. Фольклор в творчестве гагаузских писателей. В: Курсом развивающейся Молдовы. Т. III. М., 2007.
7. Баурчулу Л. К. Отражение народных традиций в произведениях гагаузских писателей Н. Бабоглу и С. Куроглу. В: Курсом развивающейся Молдовы. Т. IV. М., 2008.
8. Безертинов Р. Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Набережные Челны, 2000.
9. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Минск, 2001.
10. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1995.

11. Губогло М. Н. Сполохи прошлого. Автобиографические затеси. М., 2008.
12. Губогло М. Н. Антропология повседневности. М., 2013.
13. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М., 1990.
14. Есенин С. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986.
15. Иванов Г. В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989.
16. Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007.
17. Квилинкова Е. Н. Гагаузский песенный фольклор – «грамматика жизни». Кишинев, 2011.
18. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб., 1999.
19. Куроглу С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихи (на гаг. яз.), Кишинев, 1977.
20. Куроглу С. Ўйсек кушлар (Птицы поднебесья). Стихи (на гаг. яз.). Кишинев, 1982.
21. Куроглу С. Родословное древо. Стихи и поэмы. Кишинев, 1988.
22. Мазурик О. А. Концепт «снег» в русской и японской поэзии серебряного века. В: Серебряный век: диалог культур. Одесса, 2006.
23. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда, Кишинев, 2004.
24. Никогло Д. Е. Этнопоэтические мотивы в поэзии С. С. Курогло. В: Курсом развивающейся Молдовы. Т. III. М., 2007.
25. Пименова М. В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта звезда). В: Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск, 2009.
26. Пирогова М. Н. Концепт «звезда» в русском фольклоре и литературе. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. Йошкар-Ола, 2010.
27. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1898.
28. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.
29. Сырф В. Поэтическое творчество. В: Гагаузы. М., 2011.
30. Тресиддер Дж. Словарь символов. В: www.gumer.info
31. Чеботарь П. Гагаузская художественная литература. В: История и культура гагаузов. Кишинев, 2006.
32. Kuroglu S. Yol Yildizi. Chişinău. 2000.
33. prirodu. T. I. M., 1994.
34. 5. Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. T. III. M., 1994.
35. 6. Baurchulu L. K. Fol'klor v tvorchestve gagauzskikh pisateley. In: Kursom razvivayushcheysya Moldovy. T. III. M., 2007.
36. 7. Baurchulu L. K. Otrazhenie narodnykh traditsiy v proizvedeniyakh gagauzskikh pisateley N. Baboglu i S. Kuroglu. In: Kursom razvivayushcheysya Moldovy. T. IV. M., 2008.
37. 8. Bezertinov R. N. Tengrianstvo – religiya tyurkov i mongolov. Naberezhnye chelny, 2000.
38. 9. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. Minsk, 2001.
39. 10. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira. M., 1995.
40. 11. Guboglo M. N. Spolokhi proshlogo. Avtobiograficheskie zatesi. M., 2008.
41. 12. Guboglo M. N. Antropologiya povsednevnosti. M., 2013.
42. 13. Gumilev N. S. Stikhi. Pis'ma o russkoy poezii. M., 1990.
43. 14. Esenin S. A. Stikhotvoreniya i poemy. L., 1986.
44. 15. Ivanov G. V. Stikhotvoreniya. Tretiy Rim. Peterburgskie zimy. Kitayskie teni. M., 1989.
45. 16. Kvilinkova E. N. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura gagauzov: etnoregional'nye osobennosti. Kishinev, 2007.
46. 17. Kvilinkova E. N. Gagauzskiy pesenny fol'klor – «grammatika zhizni». Kishinev, 2011.
47. 18. Kolesov V. V. Zhizn' proiskhodit ot slova. SPb., 1999.
48. 19. Kuroglu S. Kaush avalary (Napevy strun). Stikhi (na gag. yaz.). Kishinev, 1977.
49. 20. Kuroglu S. Ўйсек kushlar (Ptitsy podnebes'ya). Stikhi (na gag. yaz.). Kishinev, 1982.
50. 21. Kuroglu S. Rodoslovnnoe drevo. Stikhi i poemy. Kishinev, 1988.
51. 22. Mazurik O. A. Kontsept «sneg» v russkoy i yaponskoy poezii serebryanogo veka. In: Serebryanyy vek: dialog kul'tur. Odessa, 2006.
52. 23. Moshkov V. A. Gagauzy Benderskogo uезда. Kishinev, 2004.
53. 24. Nikoglo D. E. Etnopoeticheskie motivy v poezii S. S. Kuroglo. In: Kursom razvivayushcheysya Moldovy. T. III. M., 2007.
54. 25. Pimenova M. V. K voprosu o metodike kontseptual'nykh issledovaniy (na primere kontseptu zvezda). In: Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira. Arkhangel'sk, 2009.
55. 26. Pirogova M. N. Kontsept «zvezda» v russkom fol'klоре i literature. Avtoref. diss. kand. filolog. nauk. Yoshkar-Ola, 2010.
56. 27. Radlov V. V. Opyt slovary tyurkskikh narechiy. SPb., 1898.
57. 28. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury: Opyt issledovaniya. M., 1997.
58. 29. Syr'f V. Poeticheskoe tvorchestvo. In: Gagauzy. M., 2011.

References

1. Annenskiy I. F. Stikhotvoreniya i perevody. M., 1981.
2. Arnaut T. Motivy lyubvi i smerti v gagauzskikh liricheskikh pesnyakh (k postanovke problemy). In: Revista de etnologie și culturologie. Vol. IX–X. Chişinău, 2011.
3. Askol'dov S. A. Kontsept i slovo. In: Russkaya slovesnost'. Antologiya. M., 1997.
4. Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na

30. Tresidder Dzh. Slovar' simbolov. Available at: www.gumer.info

31. Chebotar' P. Gagauzskaya khudozhestvennaya literatura. In: Istoriya i kul'tura gagauzov. Kishinev, 2006.

32. Kuroglu S. Yol Yildizi. Chișinău. 2000.

Irina Subbotina (Moscow, Federația Rusă). Doctor în istorie, Institutul de Etnologie și Antropologie al Academiei de Științe din Rusia.

Ирина Субботина (Москва, Российская Федерация). Кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.

Irina Subbotina (Moscow, Russian Federation). PhD in History, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: irinalsu@yandex.ru

Jdana Subbotina (Moscow, Federația Rusă). Directorul general al Centrului de Instruire „Accent”.

Ждана Субботина (Москва, Российская Федерация). Генеральный директор образовательного центра «Акцент».

Jdana Subbotina (Moscow, Russian Federation). Director of the Educational Center „Akzent”.

E-mail: zhdu@hotmail.com

